

А что бы сказала мама?

За хлебом

- А мама велела нам за хлебом сходить, - заявила мне старшая сестра, мешая пропалывать мои любимые цветочки.

- Ну, раз уж мама велела, делать нечего. Хочешь не хочешь, а идти надо, - согласилась я.

Мы отправляемся с сестрой с улицы Осоавиахима на улицу Калинина. Там только что построили новый магазин - Первый.

Народу-то! Не то что яблоку упасть негде... Толпа жмет и давит так, что не продохнешь. Держусь за сестру, чтобы не потеряться.

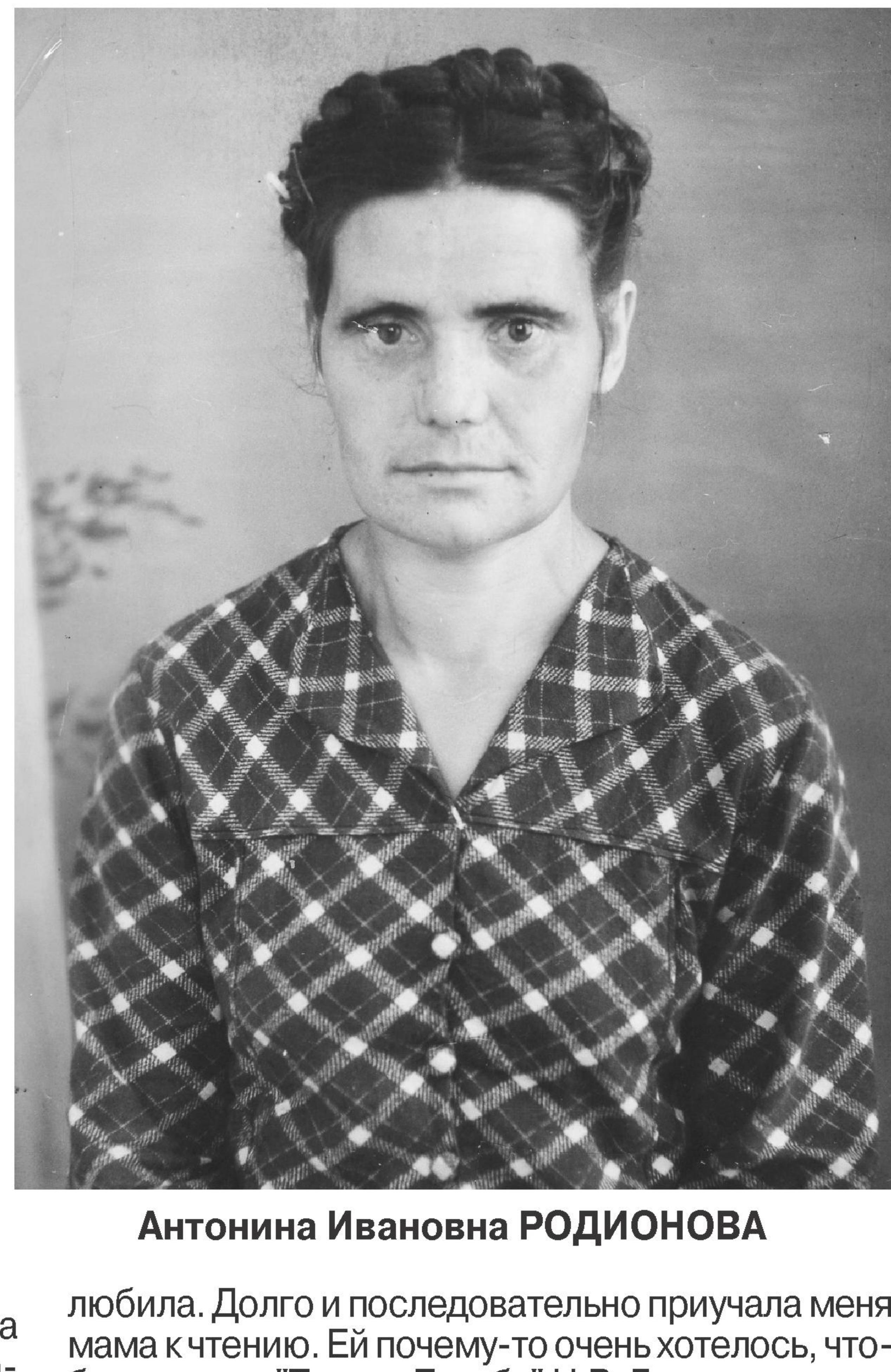
Я боюсь этой давки, этой ошалелости. Но хлеб... Хлеб нужен. Мама придет с работы вечером, в магазине хлеб уже кончится.

- Раз, два, взяли, - громко пронеслось над толпой.

И вдруг я увидела мужика, бегущего по головам людей. И хотя он бежал совсем в другую от нас сторону, я так испугалась, что закрыла глаза от страха.

Сестра вцепилась в меня обеими руками, и так мы двигались с очередью несколько часов.

Домой мы вернулись с двумя буханками - нашим вкладом в семейный котел.

Антонина Ивановна РОДИОНОВА

любила. Долго и последовательно приучала меня мама к чтению. Ей почему-то очень хотелось, чтобы я прочла "Тараса Бульбу" Н.В. Гоголя.

Сколько слезя пролила над этой книгой (ну, хоть режь меня - читать не буду!), но мама настояла на своем. И потихоньку я начала читать. Да так втунулась, что от книг и по сей день не оторвать.

Корректировка планов

Вскоре после окончания школы я заболела. Не до учебы уже было. В Московский Государственный университет поступила в возрасте, когда мои ровесники уже разъехались по распределению вузов. Чтобы получать стипендию, необходимо было учиться без троек. А это не просто. Ох, как непросто. Порой казалось, что от втиснутых в голову знаний она вот-вот лопнет.

Летом 1980 года всех иногородних студентов из Москвы отправили по домам. А наши общежития отдали гостям Московской Олимпиады. Полгода я прожила дома: три месяца работала в пионерском лагере, а остальное время провела с мамой. И за такой большой срок я не выбрала время, чтобы откровенно поговорить с мамой о невозможности продолжать учебу в университете.

Пришлось возвращаться в Москву и доучиваться.

Возвращение

После вуза я получила распределение в Томск. Отличный город. Прекрасная работа. Одна беда - жуткая тоска по дому. Мама ко мне приезжала часто. Но я хотела домой. В наш маленький городок. В Томске мне позволили даже квартиру поменять. И вот живу я уже в Асбесте четверть века. И ни разу не пожалела об этом.

Об одном печалюсь - вскоре после моего возвращения мама ушла из жизни. Я была рядом с ней до ее последнего вздоха. Всю жизнь мама была альтруисткой. Хотя она сама никогда не жила на широкую ногу, но всегда стремилась помочь тому, кому в тот момент нужна была ее помощь. Это мог быть "дельный совет" (как выражалась моя мама), это могло быть деловое партнерство (как говорят теперь), в конце концов, это могла быть посильная для нее материальная безвозмездная помощь.

Вся жизнь, все здоровье, все накопленное за 73 года добро были оставлены мамой нам, ее детям. Никого она не обделила, не обидела. Мама ушла тихо и спокойно. Как и надлежит человеку, прошедшему серьезные испытания и оставшемуся человеком.

Всякий раз, когда в нашей семье происходят какие-нибудь значимые события, я думаю: "А что сказала бы об этом мама?" Порой мне становится неловко, так как я понимаю, что мама бы этого не одобрила. Но в общем и в целом мне не за что краснеть перед людьми чужими, а тем более перед близкими.

В советское время был фильм "Сильные духом" о наших разведчиках. Мама его очень любила. Но духом сильны были не только военные.

Большая часть общества тогда была сильна духом. И мать моя - не исключение.

Валентина РОДИОНОВА.
Фото из домашнего альбома.

Поле

В далеком детстве (конец 50-х) мы жили на Тракторной базе. Сначала в просторную комнату заселяли две-три семьи, а позднее для каждой семьи начали выделять отдельную комнату.

Позади наших бараков раскорчевали лес и вспахали землю. Всем желающим дали наделы. И всю весну и лето мы с мамой ходили на поле, ухаживали за своей картошкой. Зато зима не казалась такой суровой: то жареной картошечкой себя побалуешь, то пюре сделаешь, а можно и печеньки на углях испечь...

Пропажа

В начале шестидесятых нам дали дом. Вернее, полдома. Но с огородиком и палисадником. Мама сколотила парничок, посадила кабачки и огурцы, малину. На грядках росли самые необходимые в питании овощи: морковь, свекла и лук.

И зажили мы хорошо. Поле наше картофельное мы тоже не бросили. Через дорогу находился хлебозавод, и пекари иногда угощали нас, ребятишек, булочками или пирожками.

Под окном нашего дома благоухала черемуха. Как вкусны были тогда пирожки с черемуховой мукой! Мама отлично стряпала, и все, кто знал об этом, старались заглянуть к нам в праздник.

Но самыми шикарными подарками судьбы на новом месте были две вещи - настоящая русская печь (мы страшно мерзли в бараке) и Ильинская баня. Прежде мама мыла нас в корыте - очень уж далеко до этой бани было добираться с Тракторной базы.

А теперь каждую субботу у нас был самый настоящий банный день. И воды - хоть залейся, и парилка тут же. Ходили в баню по субботам. Перед закрытием. А в воскресенье мама устраивала большую стирку. Белье вешали во дворе, а не в комнате, как прежде, когда жили в бараке.

Мама вставала очень рано и до ухода на работу успевала и печь протопить, и еды наварить. И вот как-то во время постирушек не оказалось нашего детского бельишко. Мать в слезах бросилась в баню. Банщицы еще уборку перед открытием только начали делать.

- Ты в каком шкафчике, Тоня, раздевалась? - спросили они мою мать.

- Вот в этом, - указала мама.

Шкафчик был немедленно осмотрен.

- Да вот же твое белье, в газетку завернуто, - протянула банщица маме ее сокровище.

В дефиците в шестидесятые годы были даже самые обиходные вещи: одежда, обувь, обычная еда. За всем надо было стоять в очереди.

"Тарас Бульба"

Несмотря на бедность, в нашем доме были книги. Мама любила читать. Нередко перечитывала особенно полюбившиеся книги. В начале семидесятых мы купили на Черемше сад. Сокровище необыкновенное, хотя и хлопот с ним было немало. Из сада придешь (в автобус-то еще попробуй сядь!) - и не до телевизора уже.

А книгу взять можно и почитать, пока похлебка варится.

В школе я учились хорошо. На лету все схватывала. А художественную литературу читать не